

Ю.В. ЛУНЁВА

ЗАКРЫТИЕ ДАРДАНЕЛЛ ВО ВРЕМЯ ИТАЛО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1911–1912 годы)

18 (5) апреля 1912 г. во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Османская империя на две недели закрыла проход через Дарданеллы для коммерческих судов всех государств.

13(26) апреля 1912 г. на заседании Государственной Думы министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, докладывая о международном положении в связи с итало-турецкой войной, отмечал, что “события последних дней показывают, насколько итало-турецкая война может задеть интересы непримиримых держав” и что закрытие Дарданелл наносит существенный ущерб российским торговым интересам¹. Министр выразил надежду, что свобода плавания будет восстановлена в ближайшем будущем и что итало-турецкая война не коснется Балкан.

На рубеже XIX–XX вв. Ближний Восток и Балканы стали эпицентром борьбы Великих держав за мировое господство. Боснийский кризис 1908–1909 гг. нарушил временное затишье в Османской империи. Австро-Венгрия, аннексировав Боснию и Герцеговину с согласия Европейских держав, возобновила процесс раздела территории Османской империи, начавшийся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.²

В 1902 г. Италия заручилась поддержкой Франции в вопросе о занятии Триполи и Киренаики³, в 1909 г. Рим заключил секретное соглашение с Петербургом⁴. В разгар Агадирского кризиса 1911 г.⁵ итальянская дипломатия, воспользовавшись удобным моментом, предъявила Османской империи циничный ультиматум с требованием “не препятствовать военной оккупации северо-африканских провинций Триполитании и Киренаики”⁶.

В первые дни войны европейские державы, включая Россию, официально объявили о своем нейтралитете. “Ее (войну. – Ю.Л.) нельзя рассматривать как решительно крупную войну между двумя государствами, так как Италия решила ограничить свои дей-

---

Лунёва Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

¹ Московские ведомости, 14.IV.1912.

² Во время Ближневосточного кризиса 1895–1897 гг. великие державы заявили о своих предпочтениях относительно раздела “турецкого наследства”. Согласно одному из британских планов предполагалось Константинополь и проливы (включая обе стороны Босфора и Дарданеллы) признать нейтральной зоной под международным контролем.

³ Во франко-итальянском соглашении 1902 г. указывалось, что Италия не имеет никаких возражений против французского проникновения в Марокко, точно так же как “Франция не имеет никаких возражений против итальянского проникновения в Триполитанию и Киренаику” (История дипломатии, т. 2. М., 1963, с. 348).

⁴ По соглашению в Раккониджи Италия признавала за Россией право прохода ее военных судов через Черноморские проливы, а Россия обязалась не противодействовать планам Италии в Триполитании и Киренаике.

⁵ Агадирский кризис возник летом 1911 г. из-за франко-германского конфликта в Марокко: Childs T. *Italo-Turkish Diplomacy and the War over Libya 1911–1912*. Leiden, 1990. p. 271; Bonomi I. *La politica italiana da Porta Pia a Vittorio Veneto, 1870–1918*. Torino, 1946.

⁶ Война Италии с Турцией, вып. 1. СПб., 1912, с. 51.

ствия африканским материком, Турция же ввиду слабости своего флота лишена даже возможности принять активное участие в борьбе горсти своих войск и добровольцев арабов в Триполитании с итальянским десантом”, – отмечалось в сборнике Генерального штаба России⁷.

Петербург решил использовать начало военных действий Италии против Турции, чтобы еще раз попытаться открыть Проливы для Российского военного флота. Русский посол в Париже А.П. Извольский накануне нападения Италии на Османскую империю писал 26 сентября 1911 г. временно управляющему министерством иностранных дел А.А. Нератову, что наступил момент “извлечь из надвигающихся событий наибольшие выгоды для наших интересов”⁸.

2 октября (19 сентября) 1911 г. Нератов отправил послу в Константинополе Н.В. Чарыкову проект декларации о малоазиатских железных дорогах, одобренной правительством. Вторая часть декларации под буквой “Б” касалась вопроса о режиме проливов Босфор и Дарданеллы и прилегающих к ним территорий. Императорское правительство обязывалось “оказывать турецкому правительству действительную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя ее на прилегающие территории в случае, если этим последним будут угрожать иностранные вооруженные силы”⁹. Оттоманское правительство со своей стороны должно было дать обязательство “не препятствовать проходу русских военных судов через проливы при условии, что эти суда не будут останавливаться в проливах, если это не будет особо обусловлено”¹⁰. Для получения согласия Турции на открытие проливов для русских военных кораблей была необходима поддержка великих держав. 12 октября российский посол вручил великому визирю проект русско-турецкого соглашения, придав ему форму личного письма. Чарыков исправил текст декларации так, что “вопрос факультативный” (о проливах) стал главным, более важным, чем “основной” (о железнодорожном строительстве).

Черноморские проливы имели важное политическое и экономическое значение для России. “Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери на влияние в бассейне Черного и Средиземного морей, но и является источником преобладанием над Балканским миром и передней Азией, в судьбе которых Россия заинтересована”¹¹.

Безопасность российских черноморских портов находилась под постоянной угрозой нападения неприятельского флота, которому султан мог в любое время предоставить возможность войти в Черное море. Режим Проливов определялся международными трактатами, которые не могли быть изменены соглашением России с Турцией¹².

Отрицательный опыт российской дипломатии во время боснийского кризиса 1908–1909 гг. показал, как опасно поднимать вопрос о Проливах. “По-моему, его в действительности можно будет поднять только в том случае, если бы произошли известные территориальные перемены на Балканах; до этого лучше оставить статус-кво и ревниво охранять неприкосновенность оттоманской территории в размерах азиатских владений Порты и Адрианопольского вилайета”, – заключал посланник в Софии А.В. Неклюдов¹³.

В вопросе о пересмотре режима Черноморских проливов Петербург рассчитывал если не на поддержку, то хотя бы на отсутствие противодействия со стороны Лондона и Парижа. 23(10) октября посол России в Лондоне А.К. Бенкендорф в беседе с бри-

⁷ Там же.

⁸ Международные отношения эпохи империализма (далее – МОЭИ) сер. 2, т. 18, ч. 2, Извольский – Нератову 26 сентября 1911 г., с. 28–29.

⁹ Там же. Нератов – Чарыкову. 2 октября (19 сентября) 1911 г., с. 61.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1915, с. 82.

¹² Режим Черноморских проливов определялся Парижским трактатом 1856 г., был подтвержден Лондонской конвенцией 1871 г. и Берлинским трактатом 1878 г.

¹³ МОЭИ, т. 19, ч. 1. Посланник в Софии Неклюдов времени управл. МИД Нератову. 25 (12) ноября 1911, с. 85.

танским министром иностранных дел лордом Греем поднял вопрос о Проливах. Российский посол выразил надежду, что, заключая русско-турецкое соглашение, “султан своей властью раз и навсегда декретирует свободный проход через Босфор для всех русских военных судов, однако без права там останавливаться”¹⁴. Однако министру иностранных дел Великобритании Э. Грею “шаг России представлялся в тот момент неуместным”¹⁵.

Британский посол в Константинополе Дж. Лоутер советовал Турции усилить укрепления Верхнего Босфора. 5 ноября (23 октября) 1911 г. Чарыков отправил Нератову тревожную телеграмму: “По сведениям наших агентов морского и военного, турки за последнее время доставили на Верхний Босфор взрывающиеся с берега электрическим током мины, которые собираются погрузить, и довели до полного комплекта местный состав артиллеристов”¹⁶.

Сведения о русско-турецких переговорах появились в российской и европейской печати. Либеральный российский журнал “Вестник Европы” считал, что “вопрос об открытии Босфора и Дарданелл для русского флота основан на целом ряде недоразумений”, отмечая, что для “торгового же судоходства всех национальностей проливы остаются, безусловно, свободными”¹⁷. Автор статьи считал, что России не следует требовать для себя привилегий. При пересмотре международного постановления ограничение прохода военных судов прекратит существование для всех держав. С одной стороны, Россия получила бы возможность выводить свой флот в Средиземное море и Атлантический океан, но с другой – встретила бы дредноуты Германии и Австро-Венгрии в Чёрном море. Автор задавал вопрос: “Можем ли мы иметь в Чёрном море такой флот, который бы стоило выпускать из свободных и безопасных мест береговой обороны на широкий простор морей и океанов”.

Тем временем не только турецкая, но и европейская печать обсуждали и осуждали переговоры Чарыкова. 8 декабря 1911 г. С.Д. Сазонов, находившийся в Париже, телеграфировал Нератову: “Тревожное настроение, как здесь, так и в Англии, настолько сильно, что я прихожу к заключению о необходимости воздержаться до моего возвращения в Петербург от всяких бесповоротных решений и мер”¹⁸. 9 декабря 1911 г. Сазонов предложил Чарыкову установить “совсем частный характер его обмена мыслями с турками касательно проливов и отнюдь не придавать этим беседам значения официальных переговоров”¹⁹.

Между тем итальянские войска, без труда справившись с незначительными турецкими гарнизонами, встретили серьезное сопротивление со стороны местного арабского населения Триполи. Война затягивалась. Италия, оккупировав острова Эгейского моря, попыталась спровоцировать Османскую империю на морскую войну. Лучшая часть турецкого военного флота, способная не только защищать Босфорские и Дарданелльские укрепления, но и совершать дальние плавания по Средиземному морю, состояла из 2 линейной кораблей постройки 1891 г., 2 малых крейсеров и 6 миноносцев у берегов Сирии²⁰.

К моменту объявления войны итальянский флот, разделенный на две эскадры, дивизию особого назначения, отряд миноносцев и суда вспомогательного назначения,

¹⁴ АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 707/756. Бенкендорф – Нератову 23(10) октября 1911 г.

¹⁵ British Documents on the Origins of the War. 1898–1914 (далее – BD), v. IX, pt. I. Grey’s minute. Dec. 7. 1911. p. 346–347.

¹⁶ АВПРИ, ф. Секретный архив, д. 458, л. 149.

¹⁷ Вестник Европы, 1911, № 11.

¹⁸ МОЭИ, т. 19, ч. 1. Чарыков – Нератову. 8 декабря (25 ноября) 1911, с. 165–166.

¹⁹ Там же. Сазонов – Нератову. 9 декабря (26 ноября) 1911, с. 173.

²⁰ В турецком флоте хотя и числилось по спискам 8 эскадренных броненосцев, 9 броненосцев береговой охраны, 3 крейсера 1 ранга, 9 крейсеров 2 ранга и 35–40 миноносцев и контрминоносцев, однако большинство этих судов были совершенно не пригодны для боевых действий (Война Италии с Турцией, вып. 1, с. 64).

располагал в общей сложности 10 линейными кораблями, 8 броненосцами, 5 крейсерами, 22 истребителями миноносцев, 6 подводными лодками, 2 канонерскими лодками, 7 транспортными и вспомогательными судами²¹.

Суда второй итальянской эскадры и дивизия особого назначения крейсировали у побережья Триполитании; первая эскадра плавала недалеко от острова Родоса, а отряд миноносцев – в Ионическом море.

В Риме знали, что к захвату Дарданелл и их блокаде отрицательно отнесутся все европейские державы²². Король Италии Виктор-Эммануил, принимая румынского посланника Нану, заверил его: “О блокаде никто не помышляет, ...затруднения в этой области являются только дипломатическими, а не техническими, и резко перевел разговор на другой предмет”²³.

28 (15) февраля Грей поделился с Бенкендорфом опасениями, что Турция может минировать Проливы. По мнению британского министра, единственным средством воспрепятствовать принятию столь губельных с политической и торговой точек зрения мер было бы получение от Италии заверения в том, что она воздержится от нападений в Дарданеллах и прилегающих к ним водах²⁴.

На следующий день 29 (16) февраля посол в Риме сообщал в российский МИД, что Грей уже передал английскому послу в Риме копию его циркулярного обращения к великим державам, и просил получить от Италии обещание не предпринимать военных действий против Дарданелл, чтобы турки не минировали их. Грей оказался прав. Порта разослала циркулярную ноту, предупреждавшую посольства и миссии, что с завтрашнего дня, 6 марта (22 февраля) следование ночью через Дарданеллы воспрещено всем торговым судам. Министр иностранных дел Турции в разговоре с российским послом в Константинополе поделился опасениями по поводу итальянского нападения на Дарданеллы. Он добавил, что контактные мины готовы к погружению в пролив и что торговым судам предоставят лоцманов. “Но министр дал мне заверения, что погружение произойдет только в случае действительного приближения итальянского флота к Дарданеллам”, – добавлял посол²⁵.

15 марта (28 февраля) итальянское правительство вручило послам европейских держав в Риме свои условия, среди которых были такие требования, как признание державами суверенитета Италии над Триполи и Киренаикой; вывод турецких войск из обеих провинций и установление довоенного статус-кво в отношении итальянских подданных в Османской империи; режим капитуляции. Италия также проявила готовность признать религиозную власть султана, компенсировать Турции ее недвижимое имущество в Триполи и Киренаике. Однако эти условия не удовлетворили Турцию.

4 (17) марта 1912 г. Грей даже угрожал Италии, что Британии придется нарушить нейтралитет, если прекратится нейтральная торговля через Дарданеллы”²⁶. Предложение Грея имело поддержку лишь у Франции, которая требовала исключить из сферы военных действий также побережье Сирии. Россия отклонила предложение Грея, ссылаясь на свое желание сохранить хорошие отношения с Италией. Германия стремилась еще крепче привязать Италию к Тройственному союзу и отвергла идею демарша в Риме.

Во время Агадирского кризиса Англия решительно встала на сторону Франции, чем серьезно испортила отношения с Германией. В начале 1912 г. британский военный министр Р. Холден посетил с секретной миссией Берлин. Англия пыталась в очередной

²¹ Война Италии с Турцией, вып. 1, 1912, с. 62.

²² МОЭИ, т. 19, ч. 1. 26 (13) ноября 1911. Посол в Риме Долгорукий Нератову, с. 68.

²³ Там же. Посол в Риме Долгорукий Нератову 4 декабря (21 ноября) 1911, с. 138.

²⁴ Там же. Посол в Лондоне министру иностранных дел. (28) 15 февраля 1912 г., с. 200.

²⁵ Там же, № 587. Посол в Константинополе министру ин. дел. 5 марта (21 февраля) 1911, с. 234.

²⁶ BD, v. IX, pt. 1. № 377. Sir G. Buchanan to Sir E. Grey. March 5. 1912, p. 373.

раз договориться с Германией о сокращении морских вооружений²⁷. Берлин просил Лондон дать обещание о британском нейтралитете в предстоящей войне Германии с Францией. Сделка не состоялась. Державы Тройственного союза продолжали увеличивать свои военно-морские силы в Средиземном море, и в случае возможного конфликта английский флот направил бы туда свои основные силы, а это отвлекло бы его от главной задачи – наблюдения за берегами Германии. Британское общественное мнение было настроено в пользу укрепления “Тройственного соглашения”. “Многие англичане теперь поднимают вопрос: почему русские дредноуты, которые построены в Чёрном море, не служат общим целям Тройственного соглашения; почему они только из нежелания нарушить старый предрассудок, остаются запертыми в Чёрном море, тогда как, пройдя через Дарданеллы, они могли бы восстановить равновесие в Средиземном море и дать свободу английским дредноутам, которые могли бы вернуться в Северное море и Ламанш”, – писали 7 апреля 1912 г. “Московские ведомости”.

В то время когда дипломаты пытались придумать способ мирного разрешения ита-ло-турецкого спора, итальянская эскадра неожиданно появилась перед Дарданеллами и подвергла бомбардировке турецкие форты. В ночь с 17(4) на 18 (5) апреля 1912 г. первая дивизия второй итальянской эскадры в составе 27 судов различных классов под начальством адмирала Вьялле появилась на расстоянии 10–12 км от прибрежных фортов Дарданелл и открыла по ним огонь. После двух часов стрельбы итальянская эскадра перерезала телеграфный кабель и ушла в море, вызвать на бой вражеские суда ей так и не удалось. Турецкий контрминоносец поспешил укрыться в пролив. Италия, обещавшая по соглашению в Раккониджи оставить Проливы России, не решалась форсировать их и войти в Мраморное море. Официозная римская газета “Трибуна” писала, что Италия намеренно ограничивала действия в Эгейском море и форсировать Дарданеллы не собиралась. Захват Пролива – операция очень тяжелая и медленная, и прежде чем итальянским суда вошли бы в устье пролива, Турция успела бы расставить мины. Закрытие проливов Турцией – “это политический и дипломатический маневр для того, чтобы попытаться восстановить Европу против Италии”, – отмечала газета²⁸. Перенесение военных действий к берегам Балканского полуострова признавалось в высшей степени нежелательным для Австро-Венгрии, а также для Германии, не говоря уже об Англии и России.

Османская империя приняла решение закрыть Проливы для торгового судоходства; у входа в Дарданеллы были заложены мины, Порта сделала официальное заявление: “Императорское министерство иностранных дел имеет честь довести до сведения иностранных миссий, что начиная с этого дня проход через Дарданелльский пролив для иностранных судов полностью воспрещается”, – сообщалось в ноте турецкого МИД²⁹.

Что касается российского правительства, то оно больше других было обеспокоено закрытием Проливов. Однако оно оказало давление с целью их открытия только на Турцию. Российский МИД сделал письменное заявление: “Мы не можем не обратить серьезное внимание Порты на несоответствие обеспеченного трактатами права свободной нейтральной торговли, как в мирное, так и в военное время в изданном ею распоряжением о полном запрете прохода судов через Дарданеллы”³⁰.

²⁷ В апреле 1912 г. английский морской министр У. Черчилль сообщил палате общин сведения о числе военных судов дредноутов, построенных и строящихся в Англии, Германии, Италии и Австро-Венгрии: Англия имеет 12 готовых броненосцев, 10 строящихся, 4 крейсера готовых и 6 строящихся. У Германии – 7 броненосцев готовых, 9 строящихся, 2 крейсера готовых и 3 строящихся. У Италии нет ни одного дредноута готового, но есть 5 строящихся. У Австро-Венгрии 4 броненосца-дредноута строящиеся. Кроме того, в 1912–1913 гг. Англия начнет постройку 4 дредноутов, Германия – 1 броненосца и 1 крейсера, Италия – 1 крейсера.

²⁸ Цит. по: Новое время, 19. IV. 1912.

²⁹ МОЭИ, т. 19, ч. 1, № 778. Вербальная нота турецкого министерства иностранных дел представителям иностранных государств в Константинополе. 18(5) апреля, с. 424.

³⁰ Там же, № 789. Мин-р ин. Дел послу в Константинополе Гирсу. (20)7 апреля, с. 432.

На вопрос британского посла в Петербурге: “Намерена ли Россия добиться от Италии обещания не предпринимать военных действий против Дарданелл в течение определенного срока с тем, чтобы нейтральные суда могли пройти через Проливы?” – Сазонов ответил отрицательно, ссылаясь на имеющиеся у него официальные сведения о том, что Италия откажется дать такое обещание, и “предложенный план будет обречен на неудачу с самого начала и не приведет к разрешению имеющихся затруднений”³¹.

Как отметил во время беседы с Бенкендорфом постоянный помощник министра иностранных дел Великобритании А. Николсон, “Италия упустила из виду, что Дарданеллы находятся на совершенно особом положении, исключительно важном для мировой торговли и что интересы английской торговли из-за решения Италии понесут серьезные потери”³². Британский дипломат предупредил итальянского поверенного Манцони о возможности значительного экономического кризиса. Манцони ответил, что в Риме считают необходимым в интересах мира напугать Турцию сильными средствами. Германия и Австро-Венгрия также осудили морскую демонстрацию Италии. Граф Бертольд заявил российскому послу в Вене, что “итальянское правительство совершает ошибку за ошибкой. Если демонстрация предвещает намерение ворваться в Дарданеллы, то этим выдвигается серьезная опасность осложнений на Балканах, чего сама Италия не может желать”³³.

20(7) апреля русский посол в Константинополе М.Н. Гирс телеграфировал из Константинополя, что в связи с бомбардировкой Дарданелл усилилось негативное отношение к России: “Нас обвиняют в политических кругах, как в оппозиционных, так и сторонников правительства, в общности действий с итальянцами, с коими мы связаны тайным договором”³⁴.

Русский военный агент в Турции генерал-майор И.А. Хольмсен доносил в Генеральный штаб, что итальянцы не пытались форсировать пролив, они выпустили всего 346 снарядов с дальнего расстояния, после чего ушли. “Цель их тем не менее была достигнута, ибо турки поторопились и забросали фарватер минами и таким образом закрыли свободный проход через Пролив для коммерческих судов, что только и нужно было итальянцам, которые рассчитывали на более энергичное воздействие держав на Турцию для заключения мира после фактического прекращения торгового движения через Проливы”, – заключал военный агент³⁵. Как сообщал Хольмсен, в Турции постоянно циркулируют слухи о том, что на днях русский флот ожидается в Босфоре и что между Россией и Италией существует секретное соглашение против Турции.

Османская империя обратилась к европейским державам с просьбой не допустить прохода итальянского флота через Дарданеллы. Великий визирь Саид-паша убеждал Гирса, что “действительная и непосредственная опасность существует и теперь, так как по последним полученным Портой сведениям итальянский флот стоит будто бы у самого входа в Дарданеллы и легко может прорваться особенно в ночное время”³⁶. Гирс напомнил Саид-паше, что “обстоятельства не дают Порте права нарушать трактатами обеспеченную свободу плавания торговых нейтральных судов, как только прекращается действительная опасность нападения, – последний же опыт доказал, что при возобновлении таковой достаточно и получаса для постановки минных заграждений”³⁷.

³¹ Там же. Министр иностранных дел послу в Константинополе. 3 мая (20 апреля), с. 433.

³² Там же, № 783. Посол в Лондоне министру иностранных дел. 19(6) апреля, с. 426.

³³ Там же, № 785, Посол в Вене мин-ру ин.дел. 19(6) апреля, с. 428.

³⁴ Там же, № 790, Посол в Константинополе министру иностранных дел. 20(7) апреля 1912 г., с. 434.

³⁵ Там же, № 791, Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба. 20(7) апреля. 1912 г., с. 435.

³⁶ Там же, № 801. Посол в Константинополе министру иностранных дел. (23) 10 апреля 1912 г. с. 450.

³⁷ Там же.

Общественное мнение Европы в целом отрицательно отнеслось к бомбардировке Дарданелл и расширению театра военных действий Италии. Мир на Балканах и неприкосновенность Турции были всегда первостепенными британскими интересами. “Дейли телеграф” считала, что Италия не собиралась проникать в Мраморное море и бомбардировать Константинополь. “Однако всякое нападение европейской державы на Турцию может до основания разрушить непрочное здание Ближнего Востока. Это – сигнал, на который не замедлят ответить горячие головы на Балканах. Конечно, ни одна великая держава не может отнестись равнодушно к последствиям этого безрассудного эксперимента с европейским пороховым складом”, – заключала газета³⁸.

Значение Проливов для экономики юга России в полной мере проявилось во время закрытия Дарданелл. В мирное время путь через Проливы был дешевле и выгоднее для торговли России с Европой, Азией и Африкой, чем любой другой. Во время войны на Западной границе, при закрытых портах Балтийского моря, Черноморские проливы могли оказаться единственным доступным путем для большей части российского экспорта. Как писала газета “Биржевые ведомости”, “чем больше будет развиваться наш юг – вся черноморско-земледельческая, каменноугольная, нефтяная промышленность России, таящая в себе бесконечные перспективы и только еще просыпающаяся к новой жизни, – тем больше будет расти экономическое и политическое значение для нас Проливов”³⁹.

Соображения стратегического характера подкреплялись также экономической необходимостью. Украинское зерно, кавказская нефть, марганец и до некоторой степени молочные продукты Западной Сибири имели единственный выход через Босфор и Дарданеллы. Сухопутный транспорт, который обходился в 25 раз дороже, чем перевозка морским путем, был неэкономичен для такого рода грузов. Поэтому за десятилетие до 1912 г. вывоз русских товаров через проливы составил 37% всего экспорта России. Из общего экспорта товаров в 1911 г. на сумму в 1591 млн. руб., через проливы было вывезено товаров на сумму 568 млн. руб., что составляло значительную часть стоимости всех экспортируемых товаров. Важность этого пути возросла в связи с намечавшимся индустриальным развитием Украины, с ее крупными запасами железа и угля, и в связи с эксплуатацией ресурсов Закавказья и Персии. В 1912 г. экспорт России через Черное море сократился с 568 млн. руб. в предыдущем году до 433 млн. руб., а ее торговый баланс был на 100 млн. руб. меньше по сравнению с каждым из трех предыдущих лет.

12 (25) апреля константинопольский корреспондент “Берлинер Тагеблат” сообщал, что “в константинопольском порте стоит теперь около ста судов, ожидая возможности выйти в Средиземное море. Почти столько же судов стоит у входа в Дарданеллы. Материальный вред, наносимый закрытием Дарданелл исчисляется в 200 000 марок в день”⁴⁰. Совет министров и турецкие газеты в ответ на требования открыть проливы для торгового судоходства заявляли: “Кто может нам гарантировать, что итальянцы не намерены провести под торговым флагом иностранных держав свои торговые пароходы для того, чтобы снова начать военные операции. До тех пор пока нам не будут даны определенные гарантии в этом направлении, проливы не будут открыты”⁴¹.

16 (29) апреля российские промышленники и экспортеры создали временный комитет для обсуждения всех вопросов, касающихся создавшегося положения по случаю закрытия Дарданелл с точки зрения экспортных интересов торговли России.

Председатель русско-итальянской торговой палаты А.С. Ермолов, обратился к министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву и С.Д. Сазонову с ходатайством о том, чтобы, русскому послу в Константинополе было предложено потребовать от Порты

³⁸ Цит. по: Новое время, 23. IV. 1912.

³⁹ Биржевые ведомости, 26.IV.1912.

⁴⁰ АВПРИ, ф. 2-я газетная экспедиция, д. 382, л. 56.

⁴¹ Правительственный вестник, 30.IV.1912.

открытия Дарданелл: “Запрещение прохода через проливы равносильно прекращению экспорта из черноморских и азовских портов; продление же закрытия Дарданелл грозит сильными убытками внешней торговли юга России”⁴². Положение хлебного рынка становилось критическим. Российские газеты сообщали, что 2,25 млн. пудов отправленного хлеба, остановилось без движения и не прошло через Дарданеллы. В течение апреля к вывозу предназначалось свыше 7 млн. пудов хлеба. Одесский биржевой комитет констатировал, что закрытие Дарданелл окончательно подрывает как экспорт, так и импорт. Таганрогский биржевой комитет сообщал, что закрытие Дарданелл действует разорительно на всю торговлю: “Работы в порту сокращены. Свыше 1000 портовых рабочих стоят без работы”. Телеграммы тревожного характера поступали в министерство торговли из Новороссийска, Бердянска, Ейска, Поти и Батума.

15 (28) апреля 1912 г. Санкт-Петербургское телеграфное агентство сообщало из Ростова-на-Дону, что “местные хлеботорговцы и экспортеры, неся вследствие закрытия Дарданелл огромные убытки, грозящими полным разорением не только экспорту, но и внутренней торговле, собравшись сегодня на бирже, поручили биржевому комитету возбудить ходатайство о возмещении виновниками убытков”⁴³.

16 апреля состоялось заседание комитета съездов представителей промышленности и торговли, посвященного положению южнорусского экспорта, в связи с закрытием Дарданелл. На нем обсуждался вопрос о возможности перенести часть южнорусского экспорта к Балтийскому морю.

Сазонов просил Гирса оказать воздействие на Порту. Российский министр отмечал, что “финансовое и торговое положение крайне обостряется продолжительным закрытием Дарданелл, ныне более ничем не оправдываемом, ибо итальянцы заявили об отсутствии судов севернее Стампули”⁴⁴.

В ответном письме российский посол сообщал, что оттоманское правительство закрыло пролив, воспользовавшись правом самозащиты. В меморандуме турецкого министра иностранных дел говорилось: “Также не может быть и речи о распоряжении, противоречащем договорам, так как нет такого договора, который бы обязывал императорское правительство в случае войны и неприятельских действий, направленных против него и когда дело [идет] о безопасности его империи, оставляет открытым проход через проливы, дающий доступ к столице”⁴⁵. Оттоманское правительство заранее предупредило державы, что “с момента появления неприятельского флота в европейских или азиатских водах оно оставляет за собой право закрыть Дарданелльский пролив” и снимает с себя всякую ответственность в этом отношении.

Императорский посол в Константинополе сообщал, что, по утверждению министра иностранных дел Турции “его личные старания открыть Дарданеллы встретили упорное противодействие со стороны военных, убежденных, что итальянские военные суда могут во всякое время вновь напасть на Дарданеллы”. Министр добавил, что итальянцы, перерезав телеграфный кабель, соединяющий острова с материком, лишили турок возможности следить за передвижениями вражеского флота. “Порта не может лишиться пятидесяти процентов защиты столицы, от участия которой зависит судьба империи, — констатировал министр”⁴⁶.

Россия искала поддержки Британии. Бенкендорф, узнав из сообщений прессы об отказе Порты открыть проливы, отправился за помощью к Грею. В личной беседе посол сказал министру, что русское общественное мнение не станет вдаваться в рассуждения, кто виноват в споре Италии и Турции, но “оно единодушно потребует, чтобы проливы были открыты для русской торговли и что императорское правитель-

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ МОЭИ, № 822. Министр ин. дел послу в Констант. Гирсу. (29)16 апреля, с. 469.

⁴⁵ Там же. № 826. Памятная записка турецкого министра ин. дел российскому послу в Константинополе. (29)16 апреля, с. 472.

⁴⁶ Там же. Посол в Константинополе министру ин. дел. (30) 17 апреля 1912 г, с. 480.

ство, конечно, будет руководствоваться этими настроениями; что в данный момент речь идет не о правовом, а о практическом вопросе, этот вопрос требует немедленного разрешения”⁴⁷.

Грей сказал Бенкендорфу, что накануне визита посла он принял английских коммерсантов, по сведениям которых 1 млн. т зерна погружено на британские пароходы, запертые в Дарданеллах. Грей направил инструкцию Лоутеру “с предписанием потребовать немедленного открытия проливов на 15-тидневный срок, чтобы устранить непосредственные затруднения”. Как сообщалось в меморандуме, “британские судовладельцы заявляют, что задержано 150 торговых судов, по большей части английских, представляющих почти млн. тонн и денежную ценность около 6 млн. ф.ст., нагруженные товарами весьма значительной ценности”⁴⁸. Грей указывал, что судовладельцы уже понесли убыток около 100 тыс. ф.ст. и за каждый день задержки британские судовладельцы теряли не менее, чем в 9 тыс. ф.ст.⁴⁹ Министр требовал принять временные меры, чтобы избежать дальнейших затруднений и потерь грузов на судах, пострадавших от закрытия Дарданелл.

Параллельно с этим Грей обратился с просьбой к Италии в течение достаточного срока воздержаться от атаки Проливов, чтобы на это время турецкое правительство могло открыть Проливы для торговых судов.

Франция по примеру Англии также обратила внимание Порты на желательность скорейшего открытия Дарданелл для торговых судов.

Британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен предложил Сазонову обратиться к Италии с целью получить от нее “ручательство не предпринимать дальнейших действий против Дарданелл, чтобы наши суда прошли через проливы”⁵⁰. Сазонов, уверенный в отказе Италии, не поддержал предложение Бьюкенена. Турции, не получившей поддержки от нейтральных держав по воздействию на Италию, пришлось открыть Дарданеллы. 1 мая 1912 г. Порты разослала послам в Константинополе ноту, в которой говорилось, что султанское правительство решило открыть проливы для судов нейтральных держав при условии сопровождения их лоцманами и очищением от мин. При этом оттоманское правительство добавило, что оставляет за собой право снова закрывать Проливы, когда сочтет это необходимым⁵¹.

Во время беседы с Бенкендорфом Николсон заметил, что “нелегко быть судьей того, в какой именно момент потребность обороны оправдала бы закрытие, так как Турция не имеет наблюдательного флота”⁵². Помощник британского министра напомнил послу, что английская точка зрения на трактаты отличается от российской. Бенкендорф поделился с Николсоном своим личным мнением: “Ни текст моего нынешнего сообщения, ни наши выступления в Константинополе не представляют собой безусловного отказа признать за Турцией право на закрытие проливов; что оно представляется мне молчаливо признанным, но лишь в случае совершенной необходимости и при условии восстановления немедленной свободы прохода, когда опасность миновала”⁵³. По мнению Николсона, новое продвижение итальянского флота и занятия Италией Митилены послужило бы поводом для Турции снова закрыть проливы.

Между тем с самого начала закрытия Проливов в Константинополе сознавали, какой громадный вред наносится торговым интересам нейтральных держав. Открытие Дарданелл позволило сотням пароходов, задержанных в портах Мрамор-

⁴⁷ Там же. № 829. Посол в Лондоне министру ин. дел. (30) 17 апреля, с. 477.

⁴⁸ Там же, № 835. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру ин. дел. (1 мая) 18 апреля 1912 г., с. 484.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Сазонов Бенкендорфу. 1 мая (18 апреля), с. 485.

⁵¹ Там же, № 845. Вербальная нота турецкого МИД от 1 мая (18 апреля) 1912, с. 491.

⁵² Там же, № 851. Посол в Лондоне министру иностранных дел. 2 мая (19 апреля) 1912 г., с. 494.

⁵³ Там же.

ного и Черного морей, продолжить свой путь, но не возместило убытки, причиненные русским, румынским и болгарским экспортерам задержкой операций на две недели.

На заседании комитета российской экспортной палаты, состоявшемся 20 апреля 1912 г. под председательством В.И. Денисова, обсуждался вопрос о возмещении убытков, причиненных русским экспортерам из-за закрытия пролива для коммерческого флота. По данному вопросу существовало несколько точек зрения в русских биржевых комитетах юга России. Сначала все биржевые комитеты не признавали в факте закрытия проливов форс-мажор. Однако 18 апреля одесский биржевой комитет вынес постановление, в котором признавалось, что закрытие Дарданелл является обстоятельством, снимающим с экспортеров ответственность за неисполнение ими принятых на себя контрактов по отгрузке заграничных заказов на хлеб.

Вопросы, поставленные на обсуждение комитета экспортной палаты, сводились к следующему:

1. Выяснить вопрос о праве турецкого правительства закрытия этих проливов при сложившихся обстоятельствах военного времени, в соответствии с существующими договорами о проливах между Россией и Турцией, а также другими заинтересованными державами.

2. Выяснить вопрос о возможности возмещения убытков русским экспортерам, в результате закрытия Проливов.

3. Созвать специальную комиссию для детального обсуждения этих вопросов.

По данным периодического издания “Внешняя торговля России по европейской границе” цены на пшеницу в июне 1912 г. по сравнению с предыдущими месяцами понизились, как на главных иностранных, так и на русских рынках, тем не менее они в этом месяце, как и в продолжении текущего года, всюду были значительно выше, чем в 1910 и 1911 гг.⁵⁴ Весь экспорт в Западную Европу сократился на 15 010 тыс. кварт. Экспорт из Черноморских портов (России и других государств) уменьшился на 17 375 тыс. кварт., из Дунайских государств – на 1575 тыс. кварт.; увеличение же вывоза из Северной Америки дало всего только – 5075 кварт. Экспорт пшеницы из России сократился, по данным нашей статистики до 15,5 млн. пудов против 28,1 млн. в июне прошлого года⁵⁵.

Турция сознавала, что закрытие проливов на длительный срок явилось бы веской причиной для созыва международной конференции и пересмотра режима Проливов не в ее пользу.

В начале XX в. Проливы уже не представляли существенного геополитического интереса для Великобритании и Франции, но они были против господства в них сильной державы. Премьер-министр Франции Ж.А. Пуанкаре предложил созвать конференцию с целью разработки условий мира между Италией и Турцией. Он выступил с инициативой, чтобы до созыва конференции великие державы подписали общий протокол об их “незаинтересованности” в восточных вопросах Средиземного моря. “Франция придерживается идеи нейтрализации Проливов, – сообщал Извольский мнение Парижа, – так как в случае опасности Турция вполне может принимать меры защиты, поэтому лучше нейтрализовать Проливы”. В частной беседе с Извольским Пуанкаре заметил, что “Проливы поставлены трактатами в особое положение и что на Турции лежит известного рода сервитут по отношению к международной торговле, но за отсутствием вполне ясных постановлений об их интернационализации, вроде тех, которые существуют по отношению к Суэцкому каналу. Вряд ли можно отрицать право Оттоманского правительства в случае неминуемой военной опасности принимать необходимые меры защиты. На мое замечание, что защита Дарданелл может вполне успешно быть обеспечена, помимо полного их закрытия г. Пуанкаре ответил, что он склонен разделить это

⁵⁴ Внешняя торговля России по европейской границе. вып. 322, с. 4.

⁵⁵ “Высокий уровень цен в текущем году объясняется также сравнительно высокими фрахта-ми, вследствие дороговизны каменного угля”.

мнение, но что опять-таки это вопрос факта, а не права. В разговоре со мной Пуанкаре высказал как бы вскользь мысль, на которую я считаю долгом обратить ваше внимание, а именно, что если бы окончательно восторжествовала наша мысль об обязанности Турции держать Проливы открытыми для нейтральной торговли, как в мирное, так и в военное время, это в конце концов привело бы к их формальной интернационализации, тем более что это было бы согласно с общим ходом направления современного международного права. Это, по его мнению, нам необходимо иметь в виду, дабы не оказаться впоследствии в противоречии с собственными нашими политическими интересами и стремлениями”⁵⁶.

Турция открыла Проливы, но далеко не все мины были убраны и выловлены, многие из них унесло течением в открытое море; имели место случаи гибели пароходов от взрывов, причиненных подводными минами, и жертвами их оказывались люди, не имевшие никакого отношения к итало-турецкой войне.

Кризисная обстановка на Балканах и слухи о том, что российский флот мог в любую минуту появиться перед Босфором усиливали подозрительность турок. Военный агент в Турции доносил, что “наши балканские друзья, которые надеялись, что закрытие Дарданелл приведет нас к столкновению с Турцией, что им в настоящее время было бы особенно на руку для устройства ими затем своих собственных дел”⁵⁷. Слухи о высадке российского десанта на Босфоре чаще всего распространялись греками. “Турки крайне обеспокоены из-за Босфора и предпринимают работы для его усиления в пунктах, удобных для высадки”⁵⁸.

25 (12) мая российский посол в Константинополе сообщал: “За последние дни замечается здесь сильная нервозность по отношению к нам и усиливается опасение, раздуваемое слухами о возможном нашем нападении на Босфор в случае нового появления итальянцев у Дарданелл. До 7 тыс. турецкого войска было стянуто к Босфору, где и расположено в палатках; увеличен также склад и запас подводных мин”⁵⁹. Посол предупреждал, что занятие итальянцами Митилены крайне обострило бы вопрос о Дарданеллах и снова привело бы к их закрытию.

Великие державы стремились сохранить целостность Турции и избежать постановки Восточного вопроса во всей его полноте. Из Лондона полковник Н.Л. Голеевский сообщал о поездке британского премьер-министра и первого лорда адмиралтейства в Средиземное море. “Вчера 21(8) мая первый лорд адмиралтейства Черчилль и Асквит выехали в Геную и далее в Средиземное море для осмотра английских морских станций. В Мальте состоится совещание с лордом Китченером”⁶⁰. Точные сведения о цели поездки военный агент не получил, но предполагал, что она была связана с тревожным положением дел в восточной части Средиземного моря и отношением Англии к войне.

“Лорд Китченер, который теперь встретился в Мальте с гг. Асквитом и Черчиллем, категорически и неоднократно высказывался против ухода британских броненосцев из Средиземного моря. Не соглашаясь уменьшения эскадры даже на один броненосец, наоборот требовал увеличения (предполагалось на 8 кораблей – Ю.Л.) и постоянного нахождения одного корабля в египетских водах”, – доносил российский морской агент в Лондоне капитан 1-го ранга Н.Г. Рейн. Поездку Асквита Рейн объяснил “желанием лично и на месте обсудить положение, убедить лорда Китченера смириться и принять некоторые меры и другие наобещать”⁶¹.

⁵⁶ МОЭИ, т. 19, ч. 2. № 876.

⁵⁷ Там же, т. 20, ч. 1. 14 мая – 13 августа 1912 г., № 50. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба. (21) 8 мая 1912 г. с. 42.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, № 83. 25(12) мая 1912 г. Посол в Константинополе Мин-ру ин. дел, с. 78.

⁶⁰ Там же, 22(9) мая 1912 г. № 55. Вр.и.д. военного агента в Англии в отдел генерал-квартирмейстера гл. упр. ген. штаба, с. 49.

⁶¹ Там же.

Британская и французская дипломатия всеми силами содействовали скорейшему заключению мирного договора между Италией и Турцией. 30 мая (12 июня) 1912 г. Бенкендорф телеграфировал Сазонову: “Грей все больше и больше хочет, чтобы мир был скоро заключен”.

Быстрое увеличение мощи итальянского флота и захват Италией Додеканесских островов, к которому итальянское правительство прибегло как к новому средству давления на Турцию после неудачи Дарданелльской операции, не могли не вызвать беспокойства в Лондоне и Париже. Это беспокойство усиливалось тем, что вследствие нахождения Италии в Тройственном союзе ее усиление в Восточном Средиземноморье означало бы нарушение равновесия сил в пользу Германского блока в столь важном для Франции и Англии районе.

Между тем итальянский военный агент полковник А. Альбриччи, сообщил российскому военному агенту в Австро-Венгрии М.И. Занкевичу, что Италия в ближайшее время приступит к оккупации Митилены, а занятие этого острова повлечет за собой вторичное закрытие Дарданелл. «Совершенно неожиданно он задал мне такой вопрос. “Я слышал, что в случае вторичного закрытия Дарданелл Россия немедленно вышлет Черноморский флот к Босфору для морской демонстрации против Турции”. Я ответил: “Видите ли, полковник, прежде всего вам должен сказать, что я не слышал ничего подобного и, кроме того, лишен всякой компетентности в этом вопросе; думаю, однако, что наше правительство без крайней к тому необходимости, которой я в данном случае не вижу, такого шага не сделает”»⁶². Полковник Альбриччи остался недоволен таким ответом.

Напряженная ситуация в Средиземном море стала поводом для разработки секретной военно-морской конвенции между генеральными штабами России и Франции⁶³. Союзницы договорились, что в случае прохода вражеского флота через Дарданеллы Франция должна его разбить. Также выражалось пожелание “изучить этот вопрос совместно с британским адмиралтейством”⁶⁴. “Сосредоточение французских морских сил с начала войны в Бизерте... предоставляло бы стратегическую меру, наиболее полезную для России”. Дальнейшие действия французского флота зависели от обстоятельств:

1. Французские интересы в Западной части Средиземного моря.

2. Необходимость России сохранить господство на Чёрном море.

3. Специальное положение, могущее создаться для Франции в Средиземном море, вследствие ее соглашения с Англией.

Между тем 12 июля в Лондоне начались итало-турецкие переговоры о заключении мира, но они были сорваны в результате нового итальянского нападения на Проливы. В ночь с 18(5) на 19(6) июля итальянские миноносцы вновь прорвались в Дарданелльский пролив, прошли внутрь Пролива на 20 км⁶⁵. Почти сразу же они были обнаружены и обстреляны артиллерией береговых укреплений. Турция в ответ сузила проход через Проливы, но закрыть их не решилась. Однако турецкое правительство, опасаясь возобновления атаки в районе Смирны, приняло новые меры по укреплению обороны Дарданелл на малоазиатском побережье.

15 (28) октября состоялись переговоры между воюющими странами, приведшие к подписанию мирного договора, по которому Турция потеряла навсегда свои североафриканские вилайеты. 18(31) октября в Лозанне был подписан мирный договор между Италией и Турцией. Обе стороны обязывались прекратить повсеместно военные действия, подтвердили решение о политической амнистии жителей Триполитании, Киренаики и Додеканесских островов и договорились о безотлагательном выводе оттуда

---

⁶² Там же, № 213. Военный агент в Австро-Венгрии генерал-квартирмейстеру ген. Штаба Данилову. 20 (7) июня 1912 г.

⁶³ Там же, № 302 16(3) июля 1912 г, с. 302.

⁶⁴ Там же, с. 301.

⁶⁵ Там же, № 334. Посол в Риме – Нератову, с. 341.

вооруженных сил: Турции – из Триполитании и Киренаики, Италии – с Додеканесских островов.

Итало-турецкая война явилась своего рода репетицией будущего международного конфликта на Ближнем Востоке и Балканах, выявила противоречия держав “Тройственного союза” и “Тройственного согласия” в Средиземноморском бассейне и Проливах. Бомбардировка Дарданелл оживила мятежный дух подвластных туркам народностей, угрожая обострению обстановки на Балканах. Закрытие Дарданелл принесло серьезные убытки южнорусскому экспорту, продемонстрировало недостаточность правовой базы России во внешнеторговых соглашениях. Российская дипломатия, выбрав неудачное время для пересмотра режима Проливов, в очередной раз убедилась, что Великобритания продолжала играть роль арбитра в разрешении международных конфликтов.